Смирнов Алексей Викторович

ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОБЪЕКТИВАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

В статье предлагается новый подход к проблеме генезиса музея. Этот подход рассматривает появление музея не как результат эволюционной трансформации протомузейных форм коллекционирования, но как результат скачкообразного изменения социокультурных институтов, вызванного сменой эпистем, систем получения научного и, в частности, гуманитарного знания. Описание такого изменения осуществлено с использованием понятия "объективация", предложенного М. Фуко в ходе изучения подобных процессов в европейской культуре XIX века. Данный метод позволяет связать изменения в практике коллекционирования, приведшие к формированию музея, с развитием политических, юридических, эпистемологических и иных социокультурных практик в указанный исторический период.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/2/25.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (104). С. 117-120. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что социальная стратификация влияет на возникновение общественных конфликтов, которые охватывают все сферы жизни общества. Она также ведёт к неудовлетворённости, внутриличностным конфликтам, чувству подавленности у большинства населения, что тормозит развитие общества в целом. Однако стратификация по различным признакам не является неразрешимой проблемой. Её можно и нужно регулировать, позволяя обществу нормально функционировать.

Список литературы

1. **Абсалямова С. Г.** Дифференциация в оплате труда как фактор социального неравенства // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2009. Т. 4. № 1 (11). С. 5-8.
2. **Афонин М. В.** Особенности городской сегрегации в крупном региональном центре (на примере г. Ярославля) // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. 2013. № 1. С. 121-126.
3. **Волков Ю. Г., Добреньков В. И.** Социология: учебник для студентов. М.: Гардарики, 2003. 512 с.
4. **Ильин В. И.** Проблемы социальной стратификации и социальных конфликтов [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/311/724/1216/008iLXIN.pdf (дата обращения: 24.01.2016).
5. **Миненок М. Г.** Преступность и ее предупреждение: реальность и фикция [Электронный ресурс]. URL: http://rusrand.ru/analytics/prestupnost-i-ee-preduprezhdenie-realnost-i-fiktsija (дата обращения: 24.01.2016).
6. **Николенко Н. А.** Социальная мобильность в научном дискурсе общественных наук // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 4. С. 24-35.
7. **Сорокин П. А.** Социальная стратификация и мобильность. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
8. **Сорокин П. А.** Социология революции. М.: РОССПЭН, 2004. 657 с.
9. **Тихонова Н. Е.** Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.
10. **Цимбалист А. В.** Социальная стратификация в современной России // Вестник Омского регионального института. 2013. № 1. С. 108-117.

CONFLICT AS A NEGATIVE CONSEQUENCE OF SOCIAL STRATIFICATION

Smetanko Polina Petrovna
Far Eastern Federal University
psmetanko@bk.ru

The article examines the notion of social stratification and social problems following from it. They include such phenomena as the division of population by means of the formation of prestigious districts and districts of no prestige, inter-sectoral or inter-professional stratification, the differentiation of labour remuneration. Analyzing these phenomena the author shows their potential danger for the society. Social mobility is considered as one of the ways of the prevention of social conflicts.

Key words and phrases: social stratification; differentiation; social conflict; frustration; inequality; resources; social mobility.

УДК 130.2
Философские науки

В статье предлагается новый подход к проблеме генезиса музея. Этот подход рассматривает появление музея не как результат эволюционной трансформации протомузейных форм коллекционирования, но как результат скачкообразного изменения социокультурных институтов, вызванного сменой эпистем, систем получения научного и, в частности, гуманитарного знания. Описание такого изменения осуществлено с использованием понятия «объективация», предложенного М. Фуко в ходе изучения подобных процессов в европейской культуре XIX века. Данный метод позволяет связать изменения в практике коллекционирования, приведшие к формированию музея, с развитием политических, юридических, эпистемологических и иных социокультурных практик в указанный исторический период.

Ключевые слова и фразы: музеология; музей; коллекционирование; объективация; дискурсивные практики; Фуко; генеалогия музея; археология знания.

Смирнов Алексей Викторович, д. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
darapti@mail.ru

ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОБЪЕКТИВАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Цель данной работы состоит в том, чтобы в рамках современной философии культуры обосновать новый подход к проблеме генезиса музея. Данный подход основан на методе описания и анализа социокультурных феноменов, предложенном М. Фуко в таких работах как «Археология знания», «Слова и вещи», «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». В отечественной культурологии и, в частности, в музеологии преобладает тенденция анализировать феномен музея с точки зрения рассмотрения функций, выполняемых им в культуре на протяжении последних двухсот лет. Однако вопрос о том, какая из его функций, научная, образовательная, эстетическая, воспитательная или какая-либо иная, является первичной, сущностной или максимально значимой, до сих пор остается открытым. Предлагаемый в данной статье подход делает саму постановку вопроса

о сущностных функциях музея некорректной. Появление музея следует рассматривать не как итог целенаправленной деятельности политических учреждений или отдельных энтузиастов, но как результат «пересечения» и взаимного влияния ряда дискурсивных практик, разворачивавшихся в европейской культуре XIX столетия [3]. Таким образом, формирование музея следует связывать не с эволюцией протомузейных учреждений, а с изменением принципов институализации социокультурных феноменов, которое привело к новому способу объективации коллекционирования артефактов. Понятие объективации является важным концептуальным моментом генеалогического подхода М. Фуко [5]. Объективация представляет собой процесс конвертации феномена (или группы таковых), представленного в форме разнородных дискурсивных практик, в дискурсивную формацию.

Рассмотрение вопроса о генезисе музея осложняется неоднозначностью понимания термина «музей» даже в научной, прежде всего, музеологической, литературе. Большинство современных отечественных музеологических исследований основаны на изучении деятельности художественных и историко-мемориальных музеев, что предполагает специфическое понимание их основных функций. Вследствие этого вопрос о том, в какой степени соответствуют подобному пониманию музея экомузей, научно-технический музей и прочие менее распространенные типы музеев, не имеет однозначного ответа. Причина данного затруднения заключается в том, что, как говорилось чуть выше, термин «музей» может объединять нескольких типов учреждений, имеющих различное происхождение, что ставит под вопрос само существование «музея» как особого социокультурного института.

Одна из ключевых идей М. Фуко состояла в том, что появляющиеся в культуре и изучаемые наукой феномены и описывающие их понятия формируются в результате процесса «объективации» той или иной (а, зачастую, и нескольких) дискурсивной практики, разворачивающейся в обществе [3]. Так, практики реализации политической власти объективированы в качестве «государства», практики вмешательства в существование человека как биологического объекта объективированы в качестве «медицины» и проч. Методологически перспективной представляется задача рассмотреть музейное дело в аналогичном аспекте, а сам музей – как результат процесса объективации одной или нескольких социокультурных практик. Научная задача, постановку которой мы осуществляем, будет состоять в том, чтобы выявить те практики, которые были объективированы в форме «музея», а также выявить те феномены, которые оказались сформированными вместе с ним в процессе данной объективации.

Одна из особенностей концепции М. Фуко состоит в том, что ни одна из практик, осуществляемых в обществе, не существует изолированно, все они взаимосвязаны друг с другом. Кроме того, объективация происходит в результате «пересечения» двух или нескольких практик, их взаимного проникновения и осуществления в рамках одного и того же института. Подобная «генеалогическая программа» несовместима и противоречит традиционной эволюционистской концепции происхождения и формирования тех или иных социокультурных феноменов, музея в частности. Эта концепция предполагает поиск сходств в тех или иных феноменах или практиках, заявивших о себе в исторически обозримом прошлом, а также установление закономерностей их трансформаций. Фуко неоднократно предостерегал историков (в широком смысле, то есть и тех исследователей, кого сейчас называют историками культуры) от «ложной преемственности». Применительно к феномену музея это означает [2, с. 241], что его генезис некорректно усматривать ни в апокрифическом античном «мусейоне», ни в ренессансных коллекциях и «кабинетах редкостей», как это было предложено еще в 1908 г. в ставшей классической работе Ю. фон Шлоссера [6], на которой базируются многие, в том числе и отечественные, музеологические концепции. Однако указанные коллекции, по крайней мере, были результатом той же практики, которая была объективирована и в современном музее – практики коллекционирования, а точнее, собирания и хранения артефактов. При взаимодействии с иными практиками собирание и хранение артефактов может принимать совершенно иные формы объективации, приводя при этом к появлению совершенно иных культурных институтов. В качестве примера можно привести библиотеку и архив, статус которых неоднократно менялся на протяжении их истории.

Однако собирание и хранение может иметь как сугубо экономический интерес, в том случае если объектом сбора являются предметы товарного обмена, составляющие экономический капитал, так и интерес символический, когда основу «коллекции» составляют объекты, определяющие престиж собирателя. Не следует забывать, что артефакты, послужившие основой коллекций первых художественных музеев, собирались именно в интересах повышения престижа собирателя, а не с точки зрения их экономической или художественной ценности. Заметим, что появление таких коллекций вызвало к жизни не только практику собирания как владения, но и собирания как отбора, хранения и изучения артефактов, что объективировало фигуру хранителя коллекции (в будущем – музейного работника). Статус данной фигуры столь же проблематичен, сколь проблематичен и статус самого музея, поскольку до сих пор однозначно не установлено, кем же, прежде всего, должен быть музейный работник: историком искусства, специалистом по культурному менеджменту, экспертом, педагогом, организатором экспозиции и т.д. Примечательным является тот факт, что фигура «музейного работника» оказалась объективированной еще до появления первых «настоящих» музеев, поскольку деятельность различных «домузейных» («протомузейных») учреждений была невозможной без участия специалистов, выполнявших функции хранителей, консультантов-экспертов, закупщиков и проч.

Практика коллекционирования художественных ценностей, взаимодействуя с практикой их научного описания и изучения в рамках новоевропейской эпистемы, была объективирована в форме новой области знания – науки об искусстве, направленной на понимание его предмета и изучение его истории. Такая направленность деятельности музейного работника и позволила объективировать его в первую очередь как ученого-искусствоведа. Не исключено, что если бы практика коллекционирования была сопряжена не с научно-образовательной, а с экономической деятельностью, то фигура хранителя коллекции с большей вероятностью была бы объективирована в виде эксперта-оценщика, что, заметим, и имеет место при формировании ряда современных художественных

коллекций. Согласно «археологической» концепции М. Фуко, новоевропейская эпистема вызвала к жизни целый ряд новых наук о человеке [4], что придало новый импульс, в том числе, и развитию практики коллекционирования. Значительное расширение круга предметов потенциального коллекционирования произошло в результате того, что все новые и новые типы артефактов стали приобретать значимость в качестве эмпирического материала формирующихся областей знания. В области музейного дела новоевропейская эпистема положила начало тому, что практики коллекционирования и изучения собранного сосуществуют параллельно и, фактически, неотделимы друг от друга. Такое сосуществование обусловлено тем, что учредитель музея (в качестве которого выступают, как правило, властные структуры) нуждается в специалистах-исследователях как для расширения коллекции, так и для обоснования ее символической (в частности, художественной или научной) ценности, а исследователи, в свою очередь, нуждаются в новом эмпирическом материале для обоснования необходимости развития практики исследовательской деятельности и легитимации ее в качестве науки.

Для того чтобы музей был объективирован как полноценный социальный институт, необходимо принять во внимание еще, как минимум, две стороны его деятельности – демонстрационную (экспозиционную) и просветительско-педагогическую. Эти аспекты его деятельности стали составными частями досугово-рекреационной и образовательной практик индустриального общества и пытаются сохранить данный статус и в настоящее время. Иными словами, собранная коллекция должна была стать объектом демонстрации, причем объектом, привлекательным и полезным для зрителей. Именно в XIX веке указанные нами практики оказались связанными друг с другом, причем образовательная практика получила новое развитие в связи с расширением и, как следствие, качественным изменением просветительско-педагогической деятельности и всего образования в целом. Указанная практика была также объективирована в целом ряде новых форм, связанных с появлением образовательных учреждений различного типа, ориентированных, прежде всего, на массовое образование. Именно политические и экономические факторы, вызвавшие к жизни концепцию народного просвещения, связанные с необходимостью обеспечения всеобщей доступности определенных форм знания, привели к взаимному проникновению образовательной и демонстрационной практик. Поскольку на организацию системы массового образования были направлены усилия не только педагогов, но и ученых, научное знание стало производиться и в популярной форме, ориентированной на большинство населения.

К числу гуманитарных наук, расширивших свою аудиторию, относятся, в частности, история, антропология и этнография, история искусств. Ответ на вопрос, почему именно эти науки о человеке стали каркасом европейской образовательно-просветительской модели, следует искать при помощи «генеалогии» современного образования – задачи, до настоящего времени не решенной в отечественной науке. Основополагающую роль в процессе популяризации научного знания сыграла возможность его наглядной иллюстрации, что позволило увеличить эффективность его трансляции и восприятия потребителями. Научное просветительство как часть европейской образовательной парадигмы XIX века было объективировано в результате взаимодействия зрелищной, образовательной и научной практик, о чем свидетельствует, в частности, то, что основную роль в таком просветительстве (именно в просветительстве, а не в образовании) играли и продолжают играть зрелищные учреждения, такие как музей и театр, а не библиотека, например.

В нашу задачу не входит поиск причин появления музея как социокультурного института, поскольку в рамках рассматриваемого подхода такая задача не была бы корректной. И практика коллекционирования, затронутая выше, важна нам не в историко-генетическом, но в генеалогическом аспекте. Наличие практики коллекционирования как одной из форм накопления, реализуемой в обществе, есть необходимое условие появления музея, но не его причина. Более того, объективация данной практики в форме современного музея не есть неизбежное следствие существования феномена накопления натуралий и художественных артефактов. Несмотря на то, что сам факт объективации практик – результат закономерный, способ этой объективации в виде того или иного социокультурного института зависит от того, какие практики взаимодействовали друг с другом и легли в его основу.

Не подлежит сомнению, что музей в его современном виде не мог сформироваться без появившейся в эпоху Ренессанса практики формирования научных и художественных коллекций. Однако утверждение о том, что появление музея стало результатом эволюции или преобразования «коллекции», вызванного задачами народного просвещения, было бы неверным. В пользу такого мнения говорит ряд отличий эволюции процесса коллекционирования от резко изменившегося способа его объективации. Прежде всего, следует отметить достаточно быстрый рост числа музеев, экспозиция которых базировалась не на существовавших коллекциях, но на коллекциях, собранных в расчете на музейное экспонирование, то есть формирование коллекций зачастую было не причиной, но следствием образования музея. Происходило это потому, что решение о формировании музея принималось в расчете на решение задач, отличных от задач научных или просветительских. Это были задачи, поставленные преимущественно в рамках политического дискурса. Однако специфика решения данных задач состояла в том, что оно осуществлялось с помощью практик, свойственных научному и образовательному дискурсам. Научные или художественные коллекции «домузейного» периода были различными по своей сути, поэтому их эволюционные изменения привели бы в результате к появлению различных культурных институтов, отличных от музея.

Также нельзя утверждать, что характер коллекции или собрания однозначно определяет вид организованного на его основе музея (хотя оговоримся, что данная проблема требует отдельного обсуждения). На основе коллекции предметов искусства может быть создан как музей художественный, так и музей историко-мемориальный и даже музей краеведческий. Не будем забывать, что один из первых крупных общедоступных музеев, Британский музей, был организован на базе ряда коллекций, не имеющих стройной системы классификации и представляющих собой хаотичный набор предметов, объединенных лишь их общим происхождением.

Это говорит, в частности, о том, что формирование музея на основе коллекции возможно без промежуточных стадий, обязательно предполагаемых процессом эволюционного развития. Подобное «скачкообразное», «революционное» преобразование коллекции в музей свидетельствует именно о дискурсивных причинах такой трансформации, а также о том, что эта трансформация носила характер объективации.

Отметим, что выводы об эволюционном или «объективационном» характере формирования музея как социокультурного феномена осуществляются на основании исследований, существенно отличающихся по своим методологическим установкам. Чтобы сделать вывод об эволюции «коллекции» в «музей», необходимо выстроить эволюционный ряд исторических феноменов и объектов, а также выявить причины, приведшие к эволюционной трансформации. Говорить же об объективации музея можно лишь на основе анализа того, как меняются культурные смыслы практики коллекционирования. Необходимо также установить, какие практики взаимодействовали в ходе объективации музея и как менялись культурные смыслы этих практик. Таким образом, в поле исследования с необходимостью попадают социокультурные практики, не связанные напрямую с практикой коллекционирования, но влияющие тем или иным способом на деятельность музея, способствующие или препятствующие ей, а также сопровождающие ее. К их числу относятся образовательные, научные, экономические, юридические, художественно-творческие, политико-идеологические практики. Точнее, формы их взаимного влияния и взаимодействия с практикой коллекционирования. Фактически, следует выявлять не только факты взаимодействия любой из вышеозначенных социокультурных практик с практикой поиска, накопления, хранения, демонстрации и изучения художественных артефактов, но и устанавливать возможные способы такого взаимодействия. Данный анализ не должен сводиться к общим спекулятивным построениям или основываться на современных формах такого взаимодействия. В его основе должно лежать изучение документов, до сих пор не входивших в область интересов историков музейного дела. Это отсутствие интереса связано с тем, что исследуемые формы взаимодействия социокультурных практик с практикой коллекционирования не считались существенными при изучении истории музея. Кроме того, следует обращать внимание на то, что эти практики могут менять и способы своей объективации, что приводит к появлению различных социокультурных институтов, реализующих одни и те же практики. В частности, практика трансляции знаний (которая, несомненно, сыграла роль в появлении музея как института) примерно в то же время была объективирована уже не только как система образования, но и как просвещение, предполагающее общедоступность и популяризацию накопленных и передаваемых знаний.

Применительно к формированию музея эти изменения и перекрестные влияния дискурсивных практик могут быть прослежены и подтверждены документально, и начало этой работе уже положено, в том числе и в отечественных исследованиях [1]. Есть, однако, ещё одна причина, актуализирующая предлагаемый нами подход. В настоящее время имеет место трансформация музейной парадигмы. На смену научно-образовательному музею, сформировавшемуся на рубеже XIX-XX веков в результате объективации практики коллекционирования/накопления, приходит современный музей, связанный уже с практиками социализации и формирования наднациональных идентичностей. В основе этих практик лежит уже не трансляция знания, но трансляция социального опыта. Однако механизмы формирования социокультурных институтов и, в частности, современного музея, остаются неизменными в силу дискурсивного характера современной культуры. Поэтому предлагаемый метод остается актуальным и при решении ряда вопросов теории музея XXI века.

Список литературы

1. **Беззубова О. В.** Музей как инстанция художественного, научного и идеологического дискурсов: дисс. … к. филос. н. СПб., 2013. 166 с.
2. **Кримп Д.** Это не художественный музей // Кримп Д. На руинах музея. М.: V-A-C press, 2015. С. 241-276.
3. **Фуко М.** Археология знания. Киев: Ника-центр, 1996. 207 с.
4. **Фуко М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1996. 406 с.
5. **Фуко М.** Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 161-190.
6. **Schlosser J. von.** Die Kunst- und Wunderkammern der Spätrenaissance: ein Beitrag zur Geschichte des Sammelwesens. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1978.

CONTEMPORARY MUSEUM GENESIS AS A RESULT OF DISCURSIVE PRACTICES OBJECTIVATION

Smirnov Aleksei Viktorovich, Doctor in Philosophy
Saint Petersburg State University
darapti@mail.ru

The paper proposes a new approach to the problem of the genesis of the museum. This approach considers the appearance of the museum not as a result of the evolutionary transformation of the proto-museum forms of collecting, but as a result of the abrupt changes of sociocultural institutions caused by the change of epistemes, the systems of the acquisition of scientific and, in particular, humanitarian knowledge. The description of such changes is carried out with the use of the notion “objectivation” that was proposed by Michel Foucault during the study of such processes in the European culture of the XIX century. This method allows associating changes in the practice of collecting, which led to the formation of the museum, with the development of political, legal, epistemological and other sociocultural practices in the specified period of history.

Key words and phrases: museology; museum; collecting; objectivation; discursive practices; Foucault; genealogy of museum; archaeology of knowledge.